Наконец Томоко произнесла мое имя. Она словно избегала этого, когда мы были на старом месте, с толстой медсестрой. Тогда, если подумать, атмосфера была немного... странной. Очень мало шума, и эти двое, конечно, волновались всякий раз, когда я суетился (что случалось нечасто - у меня была гордость).

"Томоэ!" - сказала Томоко, поднимая меня на колени и приглаживая мои волосы назад - этот жест она любила делать. "Это ты. Томоэ. Ты можешь это сказать?"

"То-моэ". пробормотал я, вычленяя каждый слог так четко, как только мог. Её лицо засветилось.

"Да, именно так. Ты хорошая девочка, Томоэ".

Томоко заботилась обо мне сама, часто читала мне книжки с картинками или играла со мной в игры, например в глупые игры на ловкость с использованием маленьких мешочков с бобовым наполнителем. Она умела жонглировать, что, признаться, впечатляло. У меня не хватало координации, чтобы делать многое, кроме как подбрасывать и ловить их. Она показала мне, как делать оригами, шить, и в целом следила за тем, чтобы мне было чем заняться, несмотря на то, что я редко выходил из дома. Она ходила за покупками раз в неделю, и это никогда не занимало много времени; наша диета была очень простой: тофу, овощи, иногда рыба. Мы не были богаты, а она не работала, так что, думаю, это было все, что она могла себе позволить. Это проявлялось и в нашей одежде. Она всегда носила одно и то же кимоно, а у меня была только одна юката поверх белого нижнего кимоно. Она была темно-синей с узором из более светлых запятых по низу, с коричневым поясом и была мне великовата. Но в этом и был смысл. Судя по очень легкой еде, которую мы ели в последующие месяцы, это было довольно расточительно.

Томоко очень старалась, надо отдать ей должное. Тем более что моего отца нигде не было видно, а она, похоже, очень не хотела общаться с другими горожанами. Она могла бы спросить соседа, чтобы тот посидел с ребенком, и уделить больше времени покупкам, а может, и устроиться на работу, но так и не сделала этого. Она обо всем заботилась сама. Мне кажется, она очень хорошо справлялась, учитывая обстоятельства.

Меня никогда не выпускали дальше переднего двора. В основном я бегал вокруг, пытаясь повторить привыкание к своему телу, играл с надувным резиновым мячом. Улица обычно была пуста, дома вокруг нас были заколочены досками, несмотря на признаки жизни. Однажды я увидел мальчика примерно моего возраста во дворе дома напротив и помахал ему рукой, но его мать быстро затащила его обратно в дом.

Жизнь кардинально отличалась от моей предыдущей. В какой бы мир я ни попал, он безнадежно отставал от времени. Очень мало технологий, точно нет интернета, милосердно электрическое освещение и внутренний водопровод. Никакой нездоровой пищи. Никаких торговых центров. Никаких предметов роскоши. Ничего, ничего, все поблажки моей жизни востребованного убийцы исчезли. Это было хуже, чем ад. Или я так думал первые несколько месяцев после того, как осознал свое положение, что давало повод для детских истерик. Потом я начал привыкать к этому и терпеть, хотя и с некоторым дискомфортом. Переход от моих

упаднических условий жизни к этому, да еще и застрявший в теле ребенка, бесил меня до предела. Я хотел двигаться, черт возьми, я хотел бегать, прыгать, плавать и не уставать так чертовски сильно.

Зеркал у нас не было, но однажды мне удалось поймать свое отражение в луже. Я с нетерпением рассматривал свои новые черты. И с ужасом увидел, что унаследовал мамины волосы. Отвратительные огненно-рыжие, они были ужасны. Теперь они были до плеч... Может, мне их покрасить? Мое лицо было проходным в плане внешности, скорее милым, чем красивым, с ямочками на щеках и большими черными глазами. Еще одна вещь, которая меня раздражала. Я не был симпатичным. Хотя я и не была поразительно красивой, но все же неплохо убралась. Мне приходилось напоминать себе, что мне еще нет и трех лет, что у этих вещей есть время развиться, и терпеть.

Теперь я понимал большую часть того, что говорила Томоко... не то чтобы я мог много сказать в ответ. Мои предложения по-прежнему состояли всего из нескольких слов, но мое мастерство росло с каждым днем. Поскольку я довольно быстро освоил язык, а также потому, что я настаивал, Томоко начала учить меня читать. Сначала это было просто (я уже знал большую часть алфавита хирагана), но стало сложнее, когда она ввела кандзи. Для начала она написала мое имя на куске меловой доски (мы не могли позволить себе бумагу).

"Это "Томоэ". Оно означает большую запятую". Она постучала пальцем по символу 。.

"Это?" Я поковырялся в своей юкате.

"Да. Это оно. Можешь попробовать написать его?"

Я облизнул губы и тщательно прорисовал символ. Вышло довольно неплохо, если можно так сказать. Я удовлетворенно кивнул. Томоко забрала у меня мел и нарисовала еще два, которые я не узнал. 村 и 火.

"Это кандзи, означающие "огонь" и "деревня". Это наша фамилия, Химура. Запомни, хорошо? Тебя зовут Химура Томоэ. Неважно, кто повторит его за тобой, это всегда будет то, кто ты есть". Её руки крепко обхватили меня, и она провела рукой по моим волосам, мягко расчёсывая их. "Химура, Томоэ..."

Она задумчиво произнесла, погружаясь в тишину. Я уставился на доску и запомнил символы. Отныне это будет моим именем, и я не собирался его упускать.

А занятия продолжались. Я быстро продвигался вперед, и это помогало мне в знании языка. Когда мне было около трех с половиной лет, я мог говорить связными предложениями, некоторое время был приучен к горшку (настолько быстро, насколько мог; я терпел это унижение как можно меньше времени), мог ходить и бегать в целом скоординированно, был достаточно силен, чтобы не нуждаться во сне, и читал хирагану и пару кандзи. Томоко казалась впечатленной, но не удивленной моим быстрым прогрессом. Она одобрительно кивала, когда я научился делать сальто, аплодировала, когда я демонстрировал стойку на

руках, и смеялась, когда я научился жонглировать; в её глазах светился огонёк, когда она наблюдала за мной. Она очень любила меня, это было видно.

Знаешь, может, такая жизнь не так уж и плоха? Именно об этом я и начал думать. Это было похоже на перерыв от стремительного образа жизни, который я вел, на новую жизнь, где все происходило медленно. Спокойная, монотонная повседневная жизнь. Я чувствовал, что могу продолжать в том же духе и не слишком беспокоиться по этому поводу.

Однажды, примерно когда мне исполнилось четыре года, все изменилось. Посреди ночи меня разбудил громкий взрыв. Я сел, с мутными глазами, и повернулся. Футон был пуст.

"Окаа-сан?" Мой голос звучал высоко и слабо. Я потер глаза. Раздался звук новых взрывов, затем полый звон стали о сталь, крики, вопли и топот ног по земле. Дом загрохотал, окна задрожали.

Дверь захлопнулась, и в подъезде, запыхавшись, стояла Томоко. Свет за её спиной светил мне в глаза. Когда блики померкли, они расширились. На ней уже не было кимоно, а были серые штаны, заклеенные вокруг лодыжек, облегающая рубашка поверх сетки с длинными рукавами и сапоги с открытым носком. На бедре у неё был пристёгнут подсумок, а на пояснице - нож в кобуре; волосы были стянуты в хвост. Мне показалось, что я уже видел этот взгляд раньше.

Я споткнулся о ноги, когда она бросилась ко мне. "Окаа-сан? Что?" пробормотал я. Мне все еще хотелось спать.

"Томоэ, надень это". Она втянула мои руки в лямки рюкзака, застегнула плащ на плечах и опустилась на колени, чтобы всунуть мои ноги в сандалии. "Быстрее, идем". Голос её был задыхающимся, в глазах - паника. Она схватила меня за руку и потянула к ногам. Звуки взрывов приближались, а крики усиливались. Мы пробежали через дом, через то место, которое было нашим домом, и вырвались на улицу. Дома горели, люди бежали в панике, от жары и дыма у меня начался кашель и слезы. Томоко взяла меня за руку и повела через улицу, так быстро, как только могла.

"Окаа-сан?"

Она посмотрела на меня сверху вниз и добродушно улыбнулась. Она всегда так улыбалась. "Все будет хорошо, Томоэ. Все будет хорошо".

Не успела она это сказать, как огромный рев расколол воздух. Земля загрохотала и поднялась, образовав огромную волну, которая возвышалась над нами. Я стоял в тени, охваченный ужасом. В мгновение ока Томоко подхватила меня на руки и прыгнула. Приливная волна земли обрушилась под нами, одним махом уничтожив половину деревни. Что за чертовщина? Что это было?

http://tl.rulate.ru/book/106731/3836487